

УДК 323.272; DOI 10.26794/2226-7867-2018-7-1-10-15

«ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА» 1917 ГОДА: НЕСОСТОЯВШИЕСЯ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Коваленко Валерий Иванович,

д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
rospolit.msu@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению причин, характера и исторических уроков революции 1917 г. в России, которые не только продолжают сохранять свою актуальность, но выходят в центр современных теоретических и политических дискуссий. Определяющим в понимании смысла революции остается выявление ее объективной обусловленности, системы противоречий, логики политического процесса в стране, характера представлений ведущих политических сил о путях решения назревших политических и социальных преобразований, что и было причиной ее острого и драматического протекания. Особое внимание уделяется блоковой политике ведущих политических сил страны, противоречиям коалиционной политики Временного правительства, возможностям установления правой диктатуры, осуществления левodemократической альтернативы. Анализируется курс большевиков на взятие власти рабочим классом и крестьянством при непосредственной цели завершения демократической революции и практические следствия этого курса. Отмечается, что при всей неоднозначности исторических уроков русской революции она стала подлинно эпохальным событием, оказавшим огромное влияние на судьбы не только России, но и всего мира.*

Ключевые слова: *революция; социализм; правая диктатура; общедемократическая альтернатива; большевики; меньшевики; эсеры.*

THE “FEBRUARY REPUBLIC” OF 1917: UNAUTHORIZED ALTERNATIVES

Kovalenko V.I.,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
rospolit.msu@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the reasons, nature and historical lessons of the 1917 revolution in Russia. These problems after a century not only continue to remain relevant, but are at the center of modern theoretical and political discussions. Determining in the understanding of its meanings remains the identification of its objective conditionality, the system of contradictions, the logic of the political process in the country, the nature of the representations of the leading political forces about the ways of resolving the urgent political and social transformations, which was the reason for its acute and dramatic flow. Particular attention is paid to the bloc policy of the country's leading political forces, to the contradictions in the coalition policy of the Provisional Government, opportunities for establishing a right-wing dictatorship, to the possibilities of implementing a levodemocratic alternative. Analyzes of the Bolsheviks in 1917 for the seizure of power by the working class and the peasantry, with the immediate goal of completing the democratic revolution and the practical consequences of this course. It is noted that, for all the ambiguity of the historical lessons of the Russian revolution, it has become a truly epoch-making event that has had a tremendous impact on the destinies of not only Russia, but the world as a whole.*

Keywords: *revolution; socialism; right-wing dictatorship; general democratic alternative; bolsheviks; mensheviks; socialist revolutionaries.*

Как любое эпохальное событие, революция 1917 г. в России не может не вызывать многообразные дискуссии, столкновения полярных мнений и оценки ее исторического значения. Формат настоящей статьи позволяет нам остановиться только на одном из этих вопросов — о перипетиях политических альтернатив «Февральской республики» (обозначение условное. Официально Россия была объявлена республикой 1 сентября 1917 г.).

Партии либерального толка, прежде всего, кадеты, делали упор на осуществление в первую очередь политических преобразований. Их не устраивали несообразности политической машины абсолютизма, сковывавшей возможности нарастающего капитализма. Неслучайно в Феврале организации торгово-промышленной буржуазии (наряду, конечно, с массовыми выступлениями рабочих и солдат) сыграли роль, возможно, более значительную, чем партии революционной демократии. Роль, во всяком случае, несопоставимую с тогдашним реальным весом большевиков. Эсеры и меньшевики, пришедшие к руководству Петроградским, а впоследствии и Всероссийскими Советами, изначально выступили за союз с цензовыми партиями, неизменно поддерживая Временное правительство в сложные для него дни июня-июля и корниловского выступления. Логика политического процесса в России, однако, утверждала себя в ином направлении.

В чем причины краха «февральской альтернативы»? Казалось бы, страна получила передовую для того времени демократию, широкие политические и гражданские свободы. Главные пружины политического действия определялись, однако, другим — войной, истощавшей силы государства и в духовно-мобилизующем измерении бездарно проигранной еще царизмом, и затягиванием и даже очевидной неспособностью правительства решать социальные проблемы. Н.Н. Суханов едко, но достаточно точно писал об А.Ф. Керенском: «Пышно-расплывчатые фразы Керенского дышали неподдельной искренностью и искренней любовью к родине и свободе... И опять (он — В.К.) был на высоте Великой французской революции. Но — не русской» [1].

Ключевой вопрос о земле Февральской революцией решен не был. В условиях затяжной войны громадное значение имела и потребность в скорейшем заключении перемирия и постановке вопроса о заключении демократического мира. Эсерами, как известно, была разработана привле-

кательная для крестьянства аграрная программа, но к ее реализации они не решились приступить даже в момент своего наибольшего политического влияния. В рядах меньшевиков заметно нарастали противоречия между оборонцами и интернационалистами, но они также не получили своего внятного политического выражения. И большевики, взяв на вооружение эсеровскую программу социализации земли и дополнив ее требованиями мира «без аннексий и контрибуций», эффективно зачистили политическое пространство в своей борьбе за власть. Политическая инициатива февральской политической элитой была утрачена, и вопрос о реализации политических идеалов Февраля уже не мог рассматриваться в своих реально-практических измерениях.

Реальная антибольшевистская альтернатива воплощалась уже не в духе Февраля, а концентрировала себя на ином полюсе. Уже к лету 1917 г. зримо обозначилась альтернатива правой диктатуры, утверждения во власти «партии порядка» в разрушающейся стране. На Государственном совещании 12–15 августа эта идея приобрела уже черты серьезной политической альтернативы Временному правительству. И эти требования были услышаны: Л.Г. Корнилов 25 августа двинул войска на Петроград.

Другими словами, основные узлы натяжения в политической сфере завязывались уже не только и, может быть, даже не столько вокруг дилеммы «Февраль — Октябрь», но реализовали себя в плоскости левой или правой диктатуры. Или охлократии. То есть разрушения всех скреп российской государственности.

Это наше утверждение мы можем подкрепить следующими соображениями. Гражданская война, которая, конечно же, должна рассматриваться как часть русской революции, как бы подкрепила (хотя и в изменившихся формах) логику политического процесса «февральской республики». Первое значимое сопротивление новой власти было оказано со стороны политических сил февральской формации. Сначала в мирных формах — Учредительное собрание, затем в вооруженном сопротивлении — Савинков, Комуч, Уфимская директория и прочее (мы говорим здесь только о внутренних очагах, опуская сложные перипетии, связанные с Брестским миром, начинающейся интервенцией и пр.).

И все же в историю гражданская война вошла как война между красными и белыми. В своей замечательной книге «В тупике» В. Вересаев говорил о трагедии демократической интеллигенции ее же

словами: выбор только один — большевики либо добровольцы.

Причины поражения белой альтернативы носили, прежде всего, политический характер. Это — та же нерешаемость социальных проблем, восстановление помещичьего землевладения на контролируемых белыми территориях, экзекуции восставших крестьян, погромы рабочих кварталов. В армию Корнилова и других пришло огромное количество военных, которые сочувствовали ему или прямо поддерживали его в августе во многом из-за «германского следа» в политике большевиков и которые тем более не могли принять новую власть как раз из-за позора Брестского мира. Их патриотическим чувствам, однако, был нанесен сокрушительный удар. «Главы союзных государств повели политику, которая заставила русских офицеров и солдат испытать величайшие разочарования в наших бывших союзниках и даже признать, что Красная Армия защищает целостность России от поползновений иностранцев» [2].

Однако и Октябрь, во всяком случае, в тех формах, в которых он реально воплотил себя в ходе революционных батальей, также не был исторически жестко predetermined. К осени 1917 г. вполне жизнеспособной выглядела альтернатива левосоциалистического правительства. Это был еще не Октябрь, но уже не Февраль. Настроения масс к тому времени давали возможность захвата власти большевиками, но не гарантировали им поддержки со стороны большинства трудящихся классов. Такая возможность была, скорее, у эсеров, которые (если бы они сумели потеснить правых в своих рядах) вполне могли рассчитывать на политическое доминирование в стране. Обладавший на тот момент наибольшим авторитетом в партии В.М. Чернов писал позднее о причинах поражения эсеров: «Исключительно потому, что ПСР не оказалась достаточно сплоченной и решительной, чтобы возглавить... нарастающую революцию, взяв власть, которая сама шла ей в руки, — исключительно поэтому революционная волна прокатилась через ее голову, вынеся на своем гребне партию большевиков...» [3]. В партийно-политическом плане этот вопрос реально замыкался на принципы формирования жизнеспособных блоков. Радикализация революционного движения в стране делала все более явной несовместимость в одном блоке социалистических партий и либералов.

Допуская мысль, что история имеет свои альтернативы, можно достаточно обоснованно предположить, что если бы обусловленный логикой

революционного процесса сдвиг влево советских партий нашел после корниловского мятежа свое практическое воплощение в компромиссе между эсерами, меньшевиками и большевиками и если бы возникшее левосоциалистическое правительство приступило к немедленной реализации аграрной реформы, смягчению «рабочего вопроса» и энергичным переговорам о демократическом мире, это смогло бы обеспечить необходимую устойчивость политической жизни, большую стабильность в международных отношениях, последующую легитимацию Учредительного собрания. Такой вариант развития событий неизбежно вел бы и к изменению позиций большевиков, которые, разделяя как правящая (пусть в коалиции) партия ответственность за развитие страны, получали бы большую прививку от их имманентного искуса к идеологической и политической монополии. Тем более, что влияние умеренных в большевистской партии было на тот момент вполне ощутимым.

Политическая ситуация, казалось бы, предоставляла такой шанс. Осенью 1917 г. В.М. Чернов писал, что коалиционное правительство «висит в воздухе», что «сейчас массы тянутся именно к социалистическим лозунгам и партиям, а следовательно, пришел их исторический черед — показать свою способность спасти родину и революцию» [4]. Он не мог не чувствовать этого по положению дел, прежде всего, в своей партии. Уже с лета 1917 г. в ПСР стало формироваться сильное левое крыло, настаивающее на радикализации политического процесса, которое, не найдя взаимопонимания в ПСР, пошло позже на союз с большевиками, активно участвовало в деятельности ВРК и самом Октябрьском перевороте и вскоре после него (20 ноября) создало самостоятельную партию левых эсеров [5].

Целесообразность сохранения социал-либеральной коалиции стали подвергать сомнению социалистические лидеры: Ф.И. Дан, И.Г. Церетели, В.М. Чернов, а видные деятели советских партий: Б.О. Богданов, Ю.О. Мартов — резко критиковать.

После того, как на Демократическом совещании в сентябре социалисты (хотя и после крайне жестких споров внутри своих партий и организаций 766 его делегатов голосовали за сохранение социал-либеральной коалиции, 688 — против) вновь «пошли в Каноссу» к кадетам, в организованном Предпарламенте был осуществлен дальнейший сдвиг вправо и в последнем коалиционном правительстве снова оказались кадеты, запрос на свершение радикального политического переворота стал (по удачному выражению одного из современных

исследователей) реализовывать себя в формате математического закона.

Как оценивали складывающуюся ситуацию большевики, в том числе и признанный лидер В.И. Ленин? Примечательна их позиция после подавления корниловского выступления. 31 августа ЦИКу была предложена составленная Л.Б. Каменевым резолюция «О власти». Тональность ее была явно компромиссной в отношении меньшевиков и эсеров, тех из них, которые ставили вопрос о необходимости смены власти на основе отстранения от нее цензовых элементов. В.И. Ленин, отличавшийся, как известно, крайней непримиримостью к идейным противникам, публикует за короткое время серию статей, начинающуюся работой под примечательным названием «О компромиссах».

В статье «Русская революция и гражданская война» Ленин прямо утверждал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделали бы гражданскую войну в России невозможной» [6]. И лишь 12 сентября, после отказа ЦИК утвердить резолюцию большевиков, оценив общую позицию руководства социалистических партий, В.И. Ленин формулирует вывод о необходимости взятия власти большевиками через вооруженное восстание. А после отклонения достаточно примирительных предложений большевистской делегации на Демократическом совещании, проходившем 14–22 сентября, где в числе основных ораторов был и Л.Д. Троцкий, выступавший первоначально с достаточно умеренных позиций, последний также резко радикализирует свои намерения и энергично приступает к организации вооруженного переворота.

Но колоссальные трудности обозначали себя и в рамках большевистской альтернативы. Исходная установка Маркса, как известно, заключалась в том, что капитализм, раз установившись, достигнет со временем своего полного развития, и только затем, когда в силу его внутренних противоречий начнется его разложение, он будет устранен социалистической революцией. Более того, и он, и Энгельс неоднократно предупреждали об опасностях преждевременного перехода власти к пролетариату, грозившего обернуться самыми неприглядными сторонами казарменного политического режима. Энгельс прямо писал о тупиковости подобного пути: «...Мы будем вынуждены делать коммунистические эксперименты и прыжки, для которых,

сами лучше всего знаем, не время. При этом мы потеряем головы — будем надеяться только в физическом смысле, — наступит реакция и до того, как мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, начнут считать нас не только чудовищами... но и глупцами, что в значительной мере хуже» [7].

Лидеры большевизма были вполне образованными людьми — их, во всяком случае, никак нельзя заподозрить в незнании социалистической литературы. Они не могли не принимать во внимание эти классические положения марксовской доктрины еще и потому, что именно эти положения стали предметом основных разногласий с их бывшими товарищами по партии — меньшевиками.

Каким образом в 1917 г. Ленин реинтерпретировал идеи Маркса? После возвращения в Россию он, как известно, опубликовал свои знаменитые «Апрельские тезисы», в которых выступил против доминирующей среди петербургских руководителей большевиков установки на поддержку Временного правительства по формуле «Постольку — поскольку», развиваемой в «Правде». Смысл «Тезисов» — решительный призыв к переходу на второй этап революции. Наполнял ли, однако, Ленин этот этап сугубо социалистическим содержанием? Безусловно, нет, — такая трактовка была бы очевидно плоской.

Логика Ленина развивалась в тот период в ином русле. Коль скоро российская буржуазия в силу своей природы и конкретно-исторических условий не в состоянии осуществить основные задачи буржуазно-демократической революции, пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством должен брать власть и приступать к решению назревших общедемократических задач под эгидой этой новой власти, которая и определялась им как революционно-демократическая диктатура народа. Такая политика, по Ленину, расчищала бы дорогу и последующим социалистическим преобразованиям. Он недвусмысленно предупреждал о недопустимости слишком уж революционаристских трактовок его «Апрельских тезисов»: «Я не только не „рассчитываю“ на „немедленное перерождение“ нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: «*Не „введение“ социализма как наша непосредственная задача...*» [8].

Можно добавить, что и сыгравший огромную роль в Октябрьской революции 1917 г. Л.Д. Троцкий в качестве главной также выделял мысль о борьбе за власть как раз «во имя демократических задач»

и смысл тогдашней ленинской позиции определял достаточно недвусмысленно: «Доверить демократическую революцию возможно лишь при господстве рабочего класса» [9].

Позиция большевиков того периода по вопросам о возможности несовпадения социально-классового характера власти с социально-экономическим характером революции, о смысле и допустимых границах того ускорения, которого можно добиться при утверждении радикальной революционной власти, об основаниях и принципах неизбежной в таких условиях блоковой политики и др. вряд ли давала полные гарантии недопущения гражданской войны в стране. Другое дело, что она, несомненно, не могла бы не сказаться на масштабах этой войны и степени ее крайней жесточенности. Главное, однако, в другом: такая позиция создавала достаточно действенные возможности для более устойчивого развития страны, расширения социальной базы преобразований, легитимизации политического режима.

Хотя, однако, история в своем развитии допускает возможность различных альтернатив, но в своем практическом протекании сослагательного наклонения не знает. В реальном содержании политических процессов советского периода анализируемая нами альтернатива своего воплощения не получила. В лучшем случае можно говорить только о спорадических и фрагментарных попытках ее утверждения на практике.

Ленин, будучи мастером политической инженерии, смело менял парадигмы политического действия, но от восприятия власти как демиурга общественных отношений он не отходил никогда. Делая ставку на утверждение революционно-демократической власти как гаранта осуществления общедемократических преобразований и последующего выхода на социалистическую перспективу, он не отдавал себе полного отчета в том, что власть все же не всесильна. Расширяя горизонты политического действия, она сама по себе не способна заменить воспитание трудолюбия, организованности и предприимчивости, которые преподает массам капитал, длительное развитие товарного производства. Она таит опасности волюнтаристского «перескакивания» через неизжитые этапы со всеми вытекающими отсюда проблемами для общественного прогресса. И хотя, как мы знаем, Ленин позднее выражал серьезные опасения в отношении к способности осторожно пользоваться властью, но эти опасения он относил в адрес отдельных личностей, но не системы в целом.

Российская революция в итоге явила нам образец не только попытки дерзновенного прорыва в будущее, примеров высочайшей самоотверженности и народного подвига, но стала и пространством трагедий поистине шекспировского масштаба. Осмысление ее исторического значения, ее уроков — это непреложная потребность сегодняшнего дня. В современных условиях глобализирующегося мира предстоит очень серьезно осмыслить логику политического процесса, усложняющуюся структуру экономических и властных отношений.

Вызывает интерес, с нашей точки зрения, призыв в этой связи отказаться от истолкования социализма как самостоятельной, полностью исключающей капитализм «общественно-экономической формации», тем более, если последняя понимается как более высокий тип организации, закономерно утверждающейся на месте «отживающей» капиталистической системы. Показательна, в частности, трактовка капитализма и социализма как двух взаимопереплетающихся тенденций в рамках индустриальной цивилизации. В предложенной логике капитализм понимается как мотор экономики, а область действия социализма — социальная сфера.

З. Млынарж, бывший одним из идеологов «пражской весны» 1968 г., уже в эмиграции писал: «Анализируя сегодня, более чем через сто лет после смерти Маркса, исторический опыт, можно кратко сказать следующее: способ производства, который первоначально вызревал под исключительным влиянием капитализма как тенденции развития, оказался началом нового цивилизационного типа развития — современной индустриальной цивилизации. Эта цивилизация сделала возможным, чтобы в рамках ее крепла и другая, корректирующая, ограничивающая капитализм и в определенной степени непосредственно против нее действующая тенденция — тенденция защиты и реализации таких человеческих потребностей и интересов, которые капитализм подавляет и игнорирует» [10]. Социалистическая тенденция, по Млынаржу, проявляется прежде всего в расширении сферы социальной справедливости: в возрастании свободы и равенства жизненных возможностей для большинства, в преодолении бедности и социальной незащищенности.

В любом случае, в 2017 г. — году столетия русской революции — нам нужно не только определиться в отношении стержневых вех нашей истории, но перейти и к более объемному и многомерному видению политических процессов.

«Россия,— писал русский эмигрант В. Вейдле,— это духовное, умопостигаемое целое, меняющееся во времени, да и окрашенное для каждого слегка по иному, но все же очерченное с достаточной ясностью и пребывающее не в прошлом только, но и в связи будущего с прошлым... Связь требуется восстановить... Преемственность не состоит в повторении пройденного... Преемственность восстановима только в выборе, в борьбе, только путем усвоения одного и отбрасывания другого. Нельзя утвердить ее, продлить, передать будущему, не прибавив к старому ничего нового» [11]. В этом, думается, состоит сегодня и главная задача политической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суханов Н.Н. Записки о революции. М.: Республика, 1991. Т. 3.
2. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Литература русского зарубежья. Антология. Т. 3. М.: АО «Книга и бизнес», 1997. С. 203–286.
3. Морозов К.Н. Политическое руководство Партии социалистов-революционеров в 1901–1921 годах / Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2005. С. 475–487.
4. Юрьев А.И. Эсеры на историческом переломе. М.: Кучково поле, 2011.
5. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975.
6. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война. Полное собрание сочинений в 55 томах. Изд. 5. М.: Изд-во политической литературы, 1975. Т. 34. С. 215–230.
7. Энгельс Ф. Письмо Иосифу Вейдемейеру, 12 апреля 1953 г. / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 28. С. 485–493.
8. Ленин В.И. Письма о тактике. Полное собрание сочинений в 55 томах. Изд. 5. М.: Изд-во политической литературы, 1975. Т. 31. С. 133–146.
9. Троцкий Л.Д. Сталин. М.: Терра, 1990. Т. 1.
10. Млынарж З. Понятие социализма и исторический опыт // Коммунист. 1990. № 5. С. 105–112.
11. Вейдле В. Безымянная страна. Paris: YMKA-PRESS. 1968.

REFERENCES

1. Suhanov N.N. Notes on the revolution [Zapiski o revoljucii]. Moscow, Respublika, 1991, vol. 3 (In Russ.).
2. Velikij knjaz' Aleksandr Mihajlovich. The book of memoirs / Literature of the Russian Abroad. Anthology [Kniha vospominanij / Literatura russkogo zarubezh'ja. Antologija]. T. 3. Moscow, AO «Kniha i biznes», 1997, pp. 203–286 (In Russ.).
3. Morozov K.N. Political Leadership of the Party of Socialist-Revolutionaries in 1901–1921 / Political Parties in the Russian Revolutions at the Beginning of the 20th Century [Politicheskoe rukovodstvo Partii socialistov-revoljucionerov v 1901–1921 godah / Politicheskie partii v rossijskih revoljucijah v nachale XX veka] / ed. Sevost'janov G.N. Moscow, Nauka, 2005, pp. 475–487 (In Russ.).
4. Jur'ev A.I. The Socialist Revolutionaries on the historical fracture [Jesery na istoricheskom perelome]. Moscow, Kuchkovo pole, 2011 (In Russ.).
5. Gusev K.V. The Socialist-Revolutionary Party: from petty-bourgeois revolutionaryism to counter-revolution [Partija jeserov: ot melkoburzhuznogo revoljucionarizma k kontrrevoljucii]. Moscow, Mysl', 1975 (In Russ.).
6. Lenin V.I. The Russian Revolution and the Civil War / Lenin VI Complete works in 55 volumes [Russkaja revoljucija i grazhdanskaja vojna. Polnoe sobranie sochinenij v 55 tomah]. 5-e izd. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury, 1975, vol. 34, pp. 215–230 (In Russ.).
7. Jengel's F. Letter to Joseph Weidemeier, April 12, 1953 / Marx K. and Engels F. Works [Pis'mo Iosifu Vejdemejeru, 12 aprelja 1953 g. / Marks K. i Jengel's F. Sochinenija]. 2-e izd. Moscow, Gospolitizdat, 1962, vol. 28, pp. 485–493 (In Russ.).
8. Lenin V.I. Letters on tactics // Lenin VI Complete works in 55 volumes [Pis'ma o taktike. Polnoe sobranie sochinenij v 55 tomah]. 5-e izd. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury, 1975, vol. 31, pp. 133–146 (In Russ.).
9. Trockij L.D. Stalin [Stalin]. Moscow, Terra, 1990, vol. 1 (In Russ.).
10. Mlynarzh Z. The concept of socialism and historical experience [Ponjatie socializma i istoricheskij opyt]. *Kommunist — Communist*, 1990, no. 5, pp. 105–112 (In Russ.).
11. Vejdle V. Nameless country [Bezymjannaja strana]. Paris, YMKA-PRESS, 1968 (In Russ.).